

Внутренний двор погрузился в мёртвое молчание. Настоятель и монахи боялись даже вздохнуть, про себя истово взывая к милосердию Небес.

Лишившись невидимой нити, управлявшей им через волос, Лун-гэ почувствовал, как колени его предательски подогнулись. Он с глухим стуком рухнул на каменные плиты, мысленно вопя во всё горло:

«Бессмертный Ши! Что же теперь делать?!»

Но связь оборвалась, и голос Бессмертного Ши в его голове умолк.

В гробу Бессмертному Ши тоже приходилось несладко. Скривившись, он озабоченно барабанил пальцем по лбу и лихорадочно бормотал под нос:

— Так, какие там были техники для побега?.. «Тысяча ли в один миг»? «Смена созвездий»? «Один лист застит взор»?.. Проклятье, вроде бы всё умею, а вроде и ничего вспомнить не могу. Ну что за дырявая голова!..

— Цихэ, открой сундук, — распорядился Сюэ Линцзин. Помолчав, он сухо добавил: — Лично.

Цэнь Цихэ медлить не стал. Коротко отчеканив «слушаюсь», он направился к покрытому красным лаком сундуку. Шитоу сквозь щели наблюдал, как тот приближается. В голове его крутилось бессмысленное «крибле-крабле-бумс», а из всех тайных даосских заклятий он не помнил ровным счётом ничего. Все эти «Смены созвездий» и «Полёты на тысячу ли» превратились в кашу: стоило вспомнить начало формулы, как напрочь вылетало продолжение; стоило правильно сложить пальцы в печать, как из памяти испарялось само заклинание.

Тяжёлая крышка сундука медленно, дюйм за дюймом, поползла в сторону, а следом приоткрылся и гроб. В лицо ударил ослепительный солнечный свет. В отчаянии Шитоу выгреб из-за пазухи пригоршню Порошка для жульничества и метнулся навстречу Цэнь Цихэ, надеясь ослепить его. Но глава пика Цэнь среагировал мгновенно: взмахнул широким рукавом, развеяв облако пудры по земле, и железной хваткой выдернул Шитоу из гроба наружу.

Наученный горьким опытом, глава пика Цэнь действовал быстро и чётко. Одним точным, выверенным движением он швырнул незваного гостя на каменные плиты двора, после чего брезгливо отряхнул рукава от дорожной пыли.

«Каков грубиян, — мысленно сплюнул Шитоу. — Этому тоже не помешало бы всыпать».

Он быстро зыркнул по сторонам. Из-за его спины Лун-гэ обречённо показал ему опущенный вниз большой палец.

Взгляд Сюэ Линцзина потемнел.

— Кто ты такой? — ледяным тоном спросил он.

Цэнь Цихэ нахмурился, вглядываясь в его лицо:

— Да это же тот оборванец, с дороги...

— Ошибаетесь, почтенный, ошибаетесь! — торопливо затараторил Шитоу, натянув на лицо глуповатую улыбку. — Я обычный нищий, собираюсь у дорог. Так, нахватался по верхам всяких фокусов... Прослышал, что сюда пожаловали истинные небожители, ну и решил перед вами похвастаться малым умением. Без всякого злого умысла, честное слово! Исключительно из уважения!

Цэнь Цихэ пропустил его лепет мимо ушей и обернулся к наставнику:

— Учитель, я столкнулся с ним по пути сюда. Его повадки и черты лица кажутся мне подозрительно знакомыми. Не взглянете?

Сюэ Линцзин вскинул бровь. Медленно, размеренным шагом он приблизился к Шитоу. Остановившись в трёх шагах, он кончиком Веера Светлого Зеркала поддел нищего под подбородок, заставляя того поднять голову, и пристально взгляделся в его лицо.

Шитоу продолжал корчить из себя дурачка:

— Хе-хе, господа бессмертные, уж не знаю, где вы могли меня видеть, а я-то вас точно впервые встречаю...

— Замолчи, — холодно оборвал его Сюэ Линцзин.

Шитоу приметил, как на безупречном, чистом, словно гладь озера, лице Главы школы Сюэ промелькнула едва уловимая тень замешательства. На мгновение тот показался даже растерянным.

Шитоу скосил глаза и внезапно замер от ужаса. На полупрозрачной костяной пластине веера отразилось его лицо. Засохшая грязь у виска потрескалась и осыпалась на землю, обнажив чистую кожу и разрез глаз, очертаниями удивительно напоминающий лепесток цветущего персика.

Бессмертный Ши едва чувств не лишился от испуга. Нелепо взмахнув руками, он подскочил на месте и кубарем покатился напрямик в стоящую рядом огромную курильницу для благовоний. Позабыв о всяком удобстве, он зарылся лицом в серую золу и пепел, вдохнув их полной грудью, и вылез наружу лишь тогда, когда превратился в форменную замарашку.

Цэнь Цихэ скрестил руки на груди и язвительно процедил:

— Жалкая попытка замести следы.

— Да ладно тебе, Сяо Цэнь, — Шитоу примостился задом на краю курильницы и притворно вздохнул, выдавив кривую усмешку. — Я ведь лицом не вышел, уродлив на редкость. Побоялся оскорбить взор великих заклинателей своей грязной рожей.

— Досточтимый даос, — Цэнь Цихэ проигнорировал его оправдания. — Ваша неохота являть миру своё истинное лицо — дело ваше. Однако могу ли я полюбопытствовать, как вас величать, к какому ордену вы принадлежите и по какой причине вы, сокрывшись в гробу, кукловодством заставляли этих оборванцев выставять меня на посмешище?

Он ловко перевёл удар на себя, не упоминая, что истинной мишенью насмешек был сам Сюэ Линцзин, которого ловко обставили с помощью веера. При этом взгляд Цэнь Цихэ оставался колючим, не предвещающим ничего хорошего.

«Надо же, какой почтительный ученик», — мысленно хмыкнул Шитоу, спешно сочиняя на ходу очередную небылицу.

Сюэ Линцзин буравил его тяжёлым взглядом.

— Раз уж ты утверждаешь, что сведущ в делах самосовершенствования, — заговорил он вдруг, — известно ли тебе, какой силой обладает мой Веер Светлого Зеркала?

— Как не знать! — Обливать лестью и заговаривать зубы было любимым делом Бессмертного Ши. Почувствовав себя в своей стихии, он с готовностью зачастил: — Веер Светлого Зеркала зрит сквозь толщу времён, видит прошлое и предрекает будущее. Под его священным сиянием грехи былых и грядущих жизней простого нищего предстают как на ладони. Намедни вы, по доброте душевной, пожалели юного Лун-гэ и не стали бить в полную силу, оттого и уступили малость. Но кому в Поднебесной не ведомо, что равных вам в искусстве совершенствования нет и в помине?

Хоть речь его и звучала как откровенное шутовство, логика в ней присутствовала, и некоторые ученики в храме Небесного Божества согласно закивали. Лишь лицо Сюэ Линцзина оставалось суровым и холодным, словно вековой лёд.

— Значит, ты признаёшь свою вину? — спросил он.

— Ну конечно!.. — поддакнул было Шитоу, но вовремя почуял неладное и резко осёкся: — Стоп, нет! Какую ещё вину? Что я такого мог натворить? Ваше зеркало, конечно, вещь хорошая, но верить ему на слово точно не стоит!

Присутствующие безмолвствовали.

— Только что в отражении веера, — негромко произнёс Сюэ Линцзин; его севший голос прозвучал пугающе отчётливо, — я увидел кровь. На твоей совести тридцать восемь человеческих жизней. Как ты это объяснишь?

По двору пронёсся резкий, ледяной порыв ветра. На несколько мгновений воцарилась гробовая тишина — никто не смел даже вздохнуть.

Заклинатели стояли как вкопанные, ошеломлённо раскрыв рты. От этого леденящего шёпота у каждого присутствующего по спине побежали мурашки.

Сюэ Линцзин обернулся и посмотрел на ученика. Цэнь Цихэ, чьё лицо тоже заметно побледнело, согласно кивнул наставнику. Он вновь отвесил низкий поклон статуе Бессмертного владыки Улина, после чего повернулся к настоятелю и монахам:

— Как я уже говорил вам ранее, уход моего учителя из затвора и наше прибытие в уезд Фэй никак не связаны с набором новых учеников. Нас привела сюда иная цель.

Настоятель во все глаза смотрел на него. Его губы дрожали, но он не смел промолвить и слова.

Цэнь Цихэ повысил голос:

— Всем вам известно, что Школа Улин состоит из трёх пиков и восемнадцати пещер. Нами управляют три главы пиков и восемнадцать владык пещер. Главы Среднего и Нижнего пиков — мои шисюны, соученики по ордену. А восемнадцать владык пещер — наши личные преемники. Пусть они разного возраста и их успехи в культивации разнятся, все они выросли на моих глазах под строгим присмотром, и каждый из них отличался безупречной добродетелью. Однако несколько месяцев назад в стенах Школы Улин пролилась кровь.

Шитоу соскочил с края курильницы и, скрестив руки на груди, уселся прямо на молитвенный коврик перед статуей божества. Он молча смотрел на Цэнь Цихэ. На его вечно подвижном, кривляющемся лице теперь не отражалось ровным счётом никаких эмоций.

Цэнь Цихэ выдержал короткую паузу и продолжил:

— Владыка Пещеры Водного Утёса, шестой из восемнадцати владык пещер, Чжан Цифэн бесследно исчез. Все его тридцать восемь последователей и учеников были жестоко убиты. Каждому перерезали горло одним точным ударом меча — на месте преступления не осталось ни малейших следов борьбы. Хладнокровие убийцы и уровень его мастерства превосходят всё, с чем нам когда-либо приходилось сталкиваться.

— Пытаясь отыскать палача, я обратился к Вееру Светлого Зеркала, — подал голос Сюэ

Линцзин. — И его сияние привело нас в этот храм.

Ему не требовалось продолжать. Смысл его слов дошёл до каждого.

Лун-гэ и Сяо Нин ошарашенно уставились на Шитоу.

— Так вот почему этот безумный оборванец твердил, будто Бессмертный владыка Улин его преследует, и призывал обходить Школу Улин десятой дорогой!.. — заикаясь от ужаса, пролепетал настоятель. — Выходит, он просто скрывался от правосудия?

Десятки яростных и испуганных взглядов скрестились на Шитоу. Тот лишь натянул на лицо вымученную улыбку и замахал руками:

— Почтенный бессмертный Сюэ, ваш чудесный веер явно дал сбой! Я ведь простой забойщик скота... Пару месяцев назад уездный судья Ван устраивал пир, так я для него как раз тридцать восемь свиней заколол! Вот оно и совпало!

Сухой треск прервал его нелепые оправдания — Сюэ Линцзин с такой силой сжал пальцы, что глиняная чашка в его руке разлетелась на мелкие осколки. Глава школы медленно повернул голову:

— Хочешь сказать, что гибель тридцати восьми моих учеников для тебя — всё равно что забой скота?

— Да ладно вам, резать свиней куда тяжелее, они визжат да брыкаются... — едва слышно пробурчал под нос Шитоу. Затем он вскинул голову и со свойственной ему шутовской ухмылкой добавил: — И вообще, великий бессмертный, с чего такая дискриминация? Разве жизнь свиньи менее ценна, чем человеческая?

Сюэ Линцзин лишь молча покачал головой и отвернулся.

— Формация Искоренения Зла, — Сюэ Линцзин резко взмахнул рукой. — К бою! Уничтожить безумца на месте!

<http://bllate.org/book/18360/1798410>